

Большее всего Веру Павловну беспокоил зубной протез, который стоял у нее во рту уже лет семь и постепенно стачивался и приходил в негодность. Теперь она часто думала о том, что если протез окончательно сточится или сломается, то обнаружится, что у нее уже нет половины зубов, а чтобы сделать искусственные или, как советовал знакомый стоматолог, поставить импланты, нужна огромная сумма, которую ей со своей небольшой пенсии вряд ли удастся собрать.

Возможный выход из строя зубного протеза угнетал еще и потому, что Вера Павловна понимала: когда это случится, у нее от безнадеги совершенно опустятся руки, и тогда не только она сама, но и все вокруг окончательно поймут, как она сильно постарела и сдала за последнее время.

Конечно, Вера Павловна знала, что протез надо беречь и сильно не нагружать. Тогда еще какое-то время он сможет послужить ей верой и правдой, и в магазине не придется плотно смыкать губы или закрывать рот, чтобы не вызывать жалость и отвращение у молоденьких продавщиц. Но беречь протез почему-то не получалось: когда Вера Павловна переходила на щадя-

щую еду и пищу, заключающуюся в кашах на воде и изредка — на молоке, у нее от недостатка витаминов начинали облезать ладони и слоиться ногти, и она убеждалась, что данная диета — тоже не панацея: и протез не убережешь, и здоровье можно окончательно подорвать.

А болячек у Веры Павловны и без того было хоть отбавляй: болела спина, поясница, ноги, а тут еще начали донимать различные возрастные дамские напасти, которые своей докучливой настойчивостью (так уж задумано природой!) вытрясают из женщины самое ее естество. Случаются они у кого раньше, у кого позже, но случаются для того, чтобы каждой дамской особи наглядно дать понять, что ее женский век — не вечен, и надо уступать дорогу молодым.

Сходить в поликлинику и изложить свои дамские проблемы участковому гинекологу Вера Павловна почему-то стеснялась. И раньше-то с большой неохотой посещала врачей подобной специализации, а тут и вообще произошло нечто, до чрезвычайности малоприятное: на должность дамского доктора в их поликлинике назначили молоденького паренька чуть ли не со студенческой скамьи.

Вера Павловна долго откладывала свой визит к гинекологу и, чтобы не пойти к нему на прием, находила множество причин. Во-первых, внушала она сама себе, он молодой, а оттого — неопытный, и мало что смыслит в наших дамских делах. А во-вторых, теперь в поликлинике такой порядок, что прежде чем попасть к специалисту, нужно записаться к терапевту и взять у него направление или талон, а у терапевта всегда огромная очередь, независимо от времени суток и погодных условий.

В целом Вера Павловна, конечно же, сознавала, что эти причины — пустые отговорки по сравнению с тем, что ее действительно продолжало смущать. Она уже мысленно представляла, как придет на прием к почти что мальчику, будет медленно раздеваться, складывая свои жалкие немодные пожитки на кушетке у него в кабинете, а потом, как корова, начнет неловко взбираться на гинекологическое кресло, потому что у нее большая спина и периодически отказывает левая нога. А гинеколог при этом станет морщиться, оттого что вынужден обозревать ее совсем не юные телеса вместо того, чтобы бежать на свиданье к молоденькой престелнице.

Представляя все это почти воочию, Вера Павловна по-настоящему краснела и покрывалась всамделишной испариной, как будто уже сейчас, в этот самый момент, она уже сидела, как курица на насесте, в неудобном гинекологическом кресле и со стыдом ожидала профессиональных действий новоиспеченного специалиста.

Мысли ее, как по накатанной, понеслись еще дальше.

«А может, какого другого гинеколога к нам на участок пришлют, в возрасте и посолидней, а еще лучше — женщину, — подумала Вера Павловна. — С женщиной вообще никаких проблем, особенно если она и сама не так молода. Перед такой и бельшишко свое нехитрое раскладывай, как знаешь — не засмеет, и на болячки жалуйся сколько угодно — у нее и своих полно, точно таких же, как у тебя».

Болячки у Веры Павловны были для ее возраста самые обычные, но в быту очень даже неприятные. Как только она ни пыталась облагородить возрастные процессы — и воды почти не пила, и гигиенические процедуры проделывала одну за другой — ничего не помогало: то затылок жгло, словно там наковальня, то будто кто к спине горячую грелку приставлял,

а то, что пот по лбу и щекам градом тек, так это было теперь самым обычным делом.

Вера Павловна, конечно же, понимала, что все это природой специально задумано для того, чтобы отпугивать мужчин, чтобы склонные к полигамии мужчины искали себе других женщин, тех, которые помоложе и поздоровей, но все равно было обидно до слез.

Собственно с этими бедами она и намеревалась сходить к гинекологу, чтобы посоветоваться, как горю помочь. Но наперед знала, что простым советом он не обойдется — обязательно предложит осмотр, да еще и анализы возьмет для пущей важности. Оттого и делалось Вере Павловне как-то не по себе.

Все эти проблемы — и с протезом, и со спиной, и с прочими организменными неувязками — могли бы быть для Веры Павловны менее заметными, если бы не одно «но»... Она все еще надеялась кого-нибудь встретить на своем жизненном пути и не то, чтобы намеревалась надежно пристроить собственную грядущую старость, но, скажем так, не исключала такой возможности. А что? Он может быть вдовцом или разведенным, возраст — ближе к пенсии, но не дремучий пенсионер. Жилье для нечастых встреч у нее есть, коротал бы время потихоньку вдвоем.

Лучше было бы, конечно, чтобы он приходил в определенные дни, по договоренности, а она — свежая, подтянутая, благоухающая духами — выходила его встречать.

В прошлом году такая встреча чуть было не случилась, но не повезло. Помнится, Вера Павловна направлялась в РЭУ, где должен был размещаться паспортный стол, а он, этот самый паспортный стол, как назло куда-то переехал. Уборщица из РЭУ подсказала, что паспортистки теперь сидят в новых домах, а в каких именно, ответить не смогла. Отправилась было Вера Павловна искать требуемый объект наугад, да чуть не заблудилась. А тут, на ее счастье, мимо проходил мужчина солидной внешности с сединой в волосах и с очками на носу, который держал на поводке престельную собачку. Собачка тоже была солидная: в манто и в красных лаковых башмачках.

Вера Павловна поинтересовалась у мужчины, не подскажет ли он, как найти пропавших паспортисток. В ответ на это солидный господин не только согласился подсказать, но и проводить.

Слово за слово, так и познакомились. А после была встреча. Забегая наперед, следует сказать, что лучше бы ее не было вообще...

Принесенную с собой бутылку водки Игорь Дмитриевич (так звали нового знакомца) уговорил за вечер один, хотя до этого уверял, что практически не пьет. Сама же Вера Павловна едва пригубила оставшийся от празднования Пасхи кагор, который она не слишком-то любила из-за излишней навязчивой сладости, но другого напитка в ее доме не нашлось, поэтому пришлось довольствоваться тем, что есть...

А потом... А потом Вера Павловна сделала вывод, что самое лучшее, что было в наличии у Игоря Дмитриевича — это прелестные башмачки его не менее прелестной собачки...

Нет, брать мужчину в дом на постоянное жительство Вера Павловна не планировала, но так, дружеские встречи, то да се, почему бы нет... Просто в прошлый раз не повезло, но это совсем не означает, что не поведет вообще. Но если сломается зубной протез, то другого раза вряд ли следует ожидать.

Так уж получилось, что на старости лет Вера Павловна осталась одна. Все думала, что проживет немного без семейных проблем, а потом все само собой образуется. Но не образовалось и не устроилось.

Замуж Вера Павловна выходила целых три раза — по молодости лет была очень даже хороша, поэтому могла себе и это позволить.

Первым ее суженым стал доктор Женя, с которым она познакомилась на студенческой вечеринке. С доктором была любовь-игра с пощечинами и битьем посуды. Но зато потом, после шумного скандала, несмотря на полученные боевые травмы и изрядно расцарапанную физиономию, доктор Женя сгребал ее в охапку и нес в спальню прямоиком на новую, подаренную им на свадьбу, тахту. Путь в спальню был тоже усыпан осколками от тарелок и чашек, но они, молодожены, сгоравшие от нетерпения, этого даже не замечали...

Потом доктор Женя, уже заступивший на постоянную работу в ближайшую клинику, вдруг заявил, что появляться по месту трудоустройства с расцарапанной физиономией он больше не намерен — могут неправильно понять. В результате категорично прозвучавшего заявления посуду они больше не били, но доктор Женя, который как раз должен был уходить на прием, все-таки умудрился поранить ногу о закатившийся под стол осколок стекла и вынужден был на некоторое время осесть в домашней обстановке, выписав себе больничный лист.

Отдыхая от праведных трудов, доктор Женя тщательно изучал медицинскую литературу, был сосредоточенным и довольно скучным. Попробовали заняться важным супружеским делом без предварительной ругани и разбитой посуды, получилось тоже скучно. Было похоже на то, как корова пережевывает жвачку.

Ей не понравилось, и она об этом сказала. Ему тоже не понравилось, но он деликатно промолчал.

Все закончилось тем, что она все-таки разбила последнюю, недавно купленную тарелку, в результате чего бутерброды (а питались они тогда в основном бутербродами) пришлось раскладывать на зачитанной газете. Правда, на этот раз тарелку она разбила случайно, сама того не ожидая, просто, излишне намыленная, она непроизвольно выскользнула из рук.

Увидев это, доктор Женя обозвал ее истеричкой, громко хлопнул дверью и не пришел ночевать.

На следующий день бурно выясняли отношения. Когда выяснили, то пришли к обоюдному выводу, что лучше им какое-то время пожить раздельно. А потом взяли и неожиданно развелись. Он — потому что нужно было зарекомендовать себя на новом месте работы, а для этого требовалась спокойная и не нервная обстановка, которая, как стало известно, не была ее стихией, а она — потому что спокойная и не нервная обстановка и новое место работы оказались ему дороже, чем она сама.

«Как-то по-дурацки все получилось, — рассуждала по прошествии некоторого времени о своей неудавшейся семейной жизни Вера Павловна. — Ну что поделатъ: детство было в голове, по-детски поиграли и разошлись».

После этого они с доктором Женей еще несколько раз сходились и расходились, иногда били посуду (большей частью уже по привычке), иногда обходились и без того, но штамп в паспорте решили больше не ставить. Да и зачем он, этот штамп, если только людей насмешить?

Потом доктор Женя вдруг надолго пропал, по телефону отвечал сухо и односложно и встречался с ней только по делу и то на несколько минут. Сделав несколько нужных звонков, Вера Павловна неожиданно выяснила, что живет доктор Женя уже несколько месяцев у их общей знакомой — Людки-лахудры, из ее же института, только на курс младше. За время студенчества эта Людка так никому и не приглянулась, даже несмотря на то, что постоянно крутила на голове высокие вавилоны и густо подводила черным глаза, отчего издали походила на египетского фараона. А тут, поди ж ты... И когда это он ее только приглядел, этот Женя, он же доктор?

А тут еще одно важное известие как снег на голову свалилось — неожиданно-негаданно наметился Димка, единственный Веры Павловны и доктора Жени общий наследник, хотя беременность запланированной и не была. Может, это разбитые тарелки и чашки так жестоко отомстили за свою поруганную судьбу?

Доктор Женя, когда узнал, что бывшая жена в положении, быстренько объявился и отношения с Людкой-лахудрой признал, но будущего ребенка предложил записать на себя и заполнить все графы в его свидетельстве о рождении: мол, есть у ребенка и мать, и отец. Но Вера Павловна (тогда еще Вера) от данного предложения гордо отказалась, тем более, что узнала, что Людка-лахудра тоже была на сносях.

Отказалась она еще и потому, что представлялось ей слишком несправедливым, что они с доктором Женей друг для друга этот мир открывали (тот самый, из которого дети родятся), ключик к замочку подбирали, все ладили да прилаживали, а Людка-лахудра на все готовенькое прискакала. У самой — все готовенькое, и у ребенка ее, который должен вскоре на свет появиться, тоже будет все готовенькое. А у нее, у Веры Павловны, теперь не будет ничего.

Родившегося вскоре сына Димку Вера Павловна записала на себя, а в графе «отец» у него стоял прочерк. Это была ее маленькая месть доктору Жене, о которой она потом долго сожалела, когда, стесняясь и краснея, подсовывала детскую метрику сначала для регистрации ребенка в детский сад, а позже и в школу. Но что было делать, назад-то ничего не вернешь, и к доктору Жене, теперь на Людке-лахудре женатому, на колених не поползешь.

После такого необдуманного поступка доктор Женя страшно обиделся и исчез из ее жизни бесповоротно и навсегда, только изредка передавая приветы через общих друзей. Согласно полученной из верных источников информации, чувствовал он себя хорошо и жил довольно счастливо, спокойно и в достатке.

Потом, когда прошло какое-то время, Вера Павловна с сожалением поняла, что в случае с доктором Женей она сама себя обобрала, позволив вместо себя быть счастливой другой. Пока они с доктором Женей выясняли отношения, Людка-лахудра тихонько сидела на берегу и, как когда-то советовал известный китайский мудрец, терпеливо ждала, когда мимо проплывет, нет, не труп твоего врага, а никому не нужный и бесхозный чужой муж.

После доктора Жени Вера Павловна еще два раза сходила замуж. Со вторым мужем рассталась из-за того, что тот, как ей показалось, не очень-то любил ее подрастающего сына и даже тяготился им, а третий, наоборот, буквально дышал на ее наследника, а ее саму, бывало, даже не замечал. Для нее данный факт стал очень подозрителен (мало ли что!), и с третьим мужем она тоже без сожаления развелась.

По образованию Вера Павловна была экономистом, но большую часть своей жизни проработала бухгалтером на крупном, еще советском предприятии. После того как предприятие развалилось, она перешла на работу в крупную, теперь уже частную компанию. Потом, по мере возрастания возраста, работу ей приходилось несколько раз менять: фирмы, в которых доводилось трудиться, становились все мельче, зарплата — все меньше, поэтому, проработав еще несколько лет после назначения пенсии, Вера Павловна решила уйти на заслуженный отдых.

Поначалу, выйдя на пенсию, Вера Павловна, видно, наверстывая упущенное, проявляла недюжинную жизненную активность — ходила на выставки, в музеи и на различные вернисажи. Однажды даже попала на выставку собак, хотя к собакам относилась достаточно прохладно, и с большим удовольствием посетила выездной спектакль с известными артистами, которые приезжали в местный ДК. Но постепенно все эти замороченные выезды и посещения начали тяготить, и она поняла, что гораздо вольготнее чувствует себя в домашней обстановке, разместившись в мягком кресле перед телевизором.

День начинался как всегда однообразно: Вера Павловна умывалась, причесывалась, варила себе кофе, делала маленький бутерброд и садилась к ТВ-экрану, чтобы узнать последние новости, как правило, перемежающиеся рекламой. В отличие от многих других зрителей, во время рекламной паузы Вера Павловна не выключала звук и не бежала по неотложным делам, а напротив, пыталась оценить предлагаемый рекламный продукт как потенциальный потребитель.

Например, не будучи поклонницей рэпа, она искренне радовалась за певца Тимати, который достойно рекламировал очередной чудодейственный медицинский препарат. Этот препарат самой Вере Павловне был абсолютно не нужен, но, надо признать, что на такую рекламу она бы купилась, и в случае необходимости обязательно побежала бы его приобрести.

Еще ей нравилась реклама одной известной строительной фирмы, выполненная в ярких, революционных тонах, где говорилось, что покупка квартиры — это выход из интересного положения. А раздающийся за кадром плач младенца, по замыслу авторов, тут же подтверждал, кто именно претендует на роль главного новосела.

А вот другие рекламные ролики вызывали в сознании Веры Павловны полное недоумение. Например, реклама известного супермаркета, в которой покупатели суют в продовольственную корзину все, что только можно было найти на прилавках, причем в огромном количестве. На место главной героини рекламного ролика его создатели посчитали необходимым «назначить» довольно невоспитанную и нагловатую малолетнюю деваху, насквозь пронизанную инстинктом потребления.

На всякий случай, опасаясь встречи с подобной рекламной дивой, Вера Павловна начала обходить известный супермаркет стороной, хотя раньше считалась там постоянным покупателем.

«Вот интересно, — думала Вера Павловна, допивая кофе, — неужели эти владельцы банков, дворцов, пароходов, которые так часто напоминают о себе по ТВ, не понимают, что халтурно сделанная рекламная продукция не только не привлечет дополнительных клиентов, но и распугает последних?»

Без удовольствия досмотрев последний рекламный ролик, Вера Павловна пришла к однозначному выводу, что забота о качестве рекламной продукции это не ее дело — каждый, как умеет, так и живет.

Вера Павловна тоже жила, как умела, но стоило признать, что к жизни современного общества она относилась с некоторой опаской и недоумением. Нельзя сказать, что по натуре она была так уж дремуча, что совсем ее не принимала, но некоторые особенности этой жизни были для нее очень уж удивительны и казались не только странными, но и недостойными и даже чуждыми человеческому самосознанию.

Например, она сильно удивлялась тому, что раньше, когда она только поступала на работу после окончания института, на производстве ценили ум и знания, а теперь было более важным, имеет ли претендент на вакантную должность крутой смартфон или еще какую-нибудь новомодную игрушку.

Нет, когда Вера Павловна трудилась на последнем месте работы и получала более-менее приличную зарплату, она, конечно же, могла позволить себе прикупить не сильно дорогой смартфон, но ей было не совсем понятно — для чего и с какой целью она должна была это делать, если и ее старенький телефон еще неплохо служил. С ее точки зрения, менять без причины хороший и удобный мобильный аппарат на что-то другое было равнозначно тому, как предавать надежного друга, а выставление навороченных безделиц напоказ, тем более мужскими особями, и вовсе походило на нарциссизм.

«Конечно, когда современные технические устройства помогают в быту и в работе, это замечательно, — отчасти противоречила сама себе Вера Павловна. — Но если они нужны всего лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза, обозначить показную деловитость или принадлежность к особой касте, тогда дело швах...»

Еще Веру Павловна очень смущало само название современных функциональных устройств, пытающихся облегчить и приукрасить человеческую жизнь — гаджеты. Когда она слышала данное слово, то всегда настаивалась: ей казалась, что из него, так же, как и из них самих — гаджетов, так и тянут длинные шеи всевозможные «голые гады»? Хорошо еще, если простые ящерики или черепахи, а если другие наземные позвоночные?

«Вот и вылетела из обоймы, потому что перестала улавливать современные тенденции или, как теперь выражается молодежь, перестала «догонять», — сделала на свой счет неутешительный вывод Вера Павловна и сама удивилась тому, как незаметно начала объясняться современным сленгом. А кого она собственно должна была «догонять» и за кем стремглав бежать, в голове у нее так и не прояснилось.

На последнем месте работы, не бог весть в какой великой фирмочке, занимающейся продажами и перепродажами, Вера Павловна отрубила целых пять лет. Потом фирмочку решили реорганизовать, переименовать, и в результате всех вывели за штат, а во вновь организованное структурное подразделение ее уже не пригласили. При визуальном объяснении главный начальник сначала мялся, путался в словах, мол, пригласим, но немного попозже, а потом ясно дал понять, что ее время безвозвратно ушло.

Да и раньше-то на работе было не так уж гладко: Вера Павловна давно заметила, что ей доверяют вести только белую бухгалтерию, а над той, которая существует на самом деле и фиксирует все производственные

нюансы, корпеют другие бухи, чуть ли не с самого рожденья научившиеся правильно жить и не имеющие привычки тыкать носом начальство в липовые проводки.

Впрочем, надо признаться, что от такого поворота событий и выхода на пенсию Вера Павловна не сильно-то расстроилась, рассудив почти философски: одно время ушло, наступит другое, и еще неизвестно, какое лучше. Конечно, отныне у нее будет намного меньше средств на текущую жизнь, но зато теперь она почти что вольная птица — никому ничего не должна и никому нечем не обязана.

4

Проводя время у телевизора, или чуть ли не до обеда нежась в теплой постели, Вера Павловна день ото дня все больше и больше радовалась тому, что нынче она — совершенно свободная личность: ей не нужно вставать к определенному часу, повинувшись резкому звонку неумного будильника, срочно приводить себя в порядок и сломя голову куда-то бежать.

Первое, что сделала Вера Павловна после того, как возрадовалась долгожданной свободе, почти полностью лишила себя косметики (сушит лицо) и, выходя на улицу, лишь немного коричневым карандашом подводит брови, вернее придавала им форму, и не более того. А для постоянной носки она достала из платяного шкафа старые уютные брючки, выдавшую виды куртку и удобные сапожки без каблуков (кому надо, и в таком наряде обратит на нее внимание!) Это было самое оптимальное обмундирование, которое позволяло ей, как Штирлицу, оставаться незамеченной и, не вызывая своей неряшливостью отторжения у публики и не выдавая собственного присутствия, видеть всех и вся.

Впрочем, как давно заметила Вера Павловна, выдавать собственное присутствие современному человеку становится все труднее и труднее — его мало кто замечает. И причина тому — повсеместно распространенная привычка молодых (да и не только молодых!) людей ковыряться в гаджетах, отчего они (люди, а не гаджеты) не обращают внимания на то, что происходит вокруг. Вера Павловна часто задавалась вопросом: чего они там, в этих гаджетах, ищут? И не находила на него ответа. Она также не понимала, зачем современному человеку столько информации, которая уже лезет из ушей?

Иногда Вере Павловне даже казалось, что современный человек специально пытается затеряться в потоке бесконечной информации, чтобы не выдавать своего собственного присутствия. Нет, конечно же, подобно роботу, он следует определенному порядку вещей и на автопилоте отработывает годами выработанные привычки: чистит зубы, принимает душ, готовит завтрак и даже съедает его, но потом почему-то добровольно уходит в астрал.

Назойливая мысль по поводу астрала долго терзала Веру Павловну, и наконец она поняла, почему это происходит: из-за massированной негативной информации человек начал бояться жить, а так как не жить он боится еще больше, то и ищет выход из положения: он вроде бы как есть, и в то же время его как бы и нет.

Ничего не скажешь — умно придумано! Но сама Вера Павловна сбегать от глобальных проблем современности никуда не собиралась, тем более что от них, как и от себя самой, все равно не убежишь. Ее больше беспокоило то, что, разглядывая в большом зеркале собственное отраже-

ние после принятия утреннего душа, она с сожалением замечала, что сравнение человека со старым башмаком в скором времени станет актуально и для нее. А ведь когда-то Вера Павловна думала, что сносу ей не будет: и зарядку по утрам не ленилась делать, и не передала, и в постоянном движении всю сознательную жизнь, а вот поди ж ты, все равно: как подошло время, то многим лишним обросла, ноги-руки начали ныть, спина нестерпимо болеть. И возникало единственное желание среди всех желаний: сидеть сиднем, или, и того хуже, ложиться и лежать не вставая.

«Интересно, и куда со временем что девается? — достаточно часто размышляла Вера Павловна. — Гибкая талия, например, легкость и упругость походки или звонкий манящий смех? Неужели все это исчезает под грузом съеденных бифштексов, жареной картошки или курицы-гриль?»

В этом месте Вера Павловна отвлеклась, заметив в раковине немытую тарелку, а потом продолжила свое философское размышление.

«Но если хорошенечко подумать, то грех жаловаться, — рассудила она. — Где и на каком производстве еще найдется станок, или какой другой хитрый механизм, который верой и правдой служил бы лет пятьдесят, а то и шестьдесят, и даже семьдесят — чуть-чуть подлатать, и все еще ничего. Нет, бывают, конечно, и долгоиграющие механизмы, такие, например, как знаменитые часы Буре, а также оберегаемые всем человечеством музейные экспонаты, но эти вещи, извините, уже из разряда искусства. Это не просто вещи, это целые творения. И у каждой вещи есть свой творец.

В этом месте Вера Павловна снова задумалась, а то, что ей пришло в голову дальше, удивило ее саму:

«Но, с другой стороны, ведь и человек, на первый взгляд такой хрупкий и незащитный, на поверку часто оказывается крепче железа и стали? Значит, он тоже из разряда искусства?»

Тут Вера Павловна еще немного помедлила с ходом мысли...

«А почему, собственно, человек не должен быть из разряда искусства, если его Творец — Творец всех творцов?»

Вера Павловна даже удивилась своему неожиданному открытию и решила еще раз на досуге обдумать эту мысль — мало ли что важное еще промелькнет...

5

В душе Вера Павловна, конечно же, понимала, что теперь ее настоящее место — среди внуков, а не в бесполезных размышлениях, воспоминаниях и мечтах. Она должна помогать им расти, читать на ночь сказки, гулять перед сном, наслаждаясь вечерней прохладой, но почему-то не спрелось... Нет, в свое время она многое сделала для сына и его семьи: когда работала, отдавала на прокорм многочисленного сыновнего семейства (шутка ли, трое детей!) чуть ли не половину своей зарплаты и, зная, что оно не жирует, частенько, накупая различных вкусностей, вырывалась к галдящему потомству даже в обеденный перерыв — благо, от работы было недалеко. Но Лилька, сноха, забывая этими самыми вкусностями вечно пустой холодильник, даже не считала нужным предложить ей стакан пустого чая. А когда Вера Павловна сама попросила у нее этого самого чая, налила в грязную кружку какие-то опитки и, прежде чем поставить ее на стол, долго размешивала в ней сахар (как поняла Вера Павловна, чтобы как можно меньше его положить, но чтобы было послаще).

Сэкономленный сабдел, а более всего невниманием и неуважением со стороны снохи, сильно обидели Веру Павловну, и она не появлялась в квартире родственников недели три, пока не пришла в себя. Но потом, собрав волю в кулак, а необходимую сумму — в кошелек, подыскала недорогую строительную бригаду и сделала в сыновней квартире, доставшейся ему от бабки, неплохой ремонт. Знакомые мастера покрасили потолок, поклеили обои, уложили ламинат вместо разбитого паркета и даже привели в порядок ванную и туалет.

Однако уже через полгода прилично отремонтированная квартира приобрела неузнаваемый вид: ламинат был исцарапан так, будто по нему целыми днями специально возили тяжелые шкафы, потолок потемнел и покрылся разводами, особенно на кухне (скорее всего, из-за того, что жена сына, Лилька, не признавала умеренного горения газовой конфорки — ей обязательно нужно было высолопить ее на полную мощность!), а обои, которые Вера Павловна так тщательно подбирала, были равномерно отодраны почти до середины стены (как объяснила сноха, на голых стенах детям интереснее рисовать).

При созерцании подобных художеств у Веры Павловны в буквальном смысле подкосились ноги. И с того дня она старалась бывать в доме сына как можно реже, вежливо ссылаясь на неотложные дела. Да там ее особенно и не ждали. И зачем ее, собственно, ждать, если теперь у бабки вместо довольно неплохой зарплаты было всего лишь скромное пенсионное пособие.

Однако стоило признать, что в общем и целом сын у Веры Павловны получился неплохой, но некоторые вещи в его жизненной позиции матерью воспринимались с трудом. Например, она не совсем понимала, зачем надо было заводить кучу детей, если нет уверенности, что сможешь обеспечить им более-менее сносное существование.

Особой гармонии в семье сына Вера Павловна тоже не наблюдала: сноха Лилька частенько срывалась на детях из-за усталости или недостатка денежных средств. А сын Димка, в свою очередь, срывался на Лильке за то, что та его постоянно пилила и упрекала. Словом, в их отношениях наблюдалась настоящая чехарда.

И еще. Мудрые люди сегодня достаточно неохотно оформляют официальный брак, так как незамужняя женщина, будучи матерью-одиночкой, получает от государства на воспитание детей неплохое пособие. При разумном подходе семье сына тоже можно было бы воспользоваться государственной поддержкой — государство бы от этого не обеднело. Но и тут не срослось: Лилька, как только узнала, что беременна, сразу же потащила потенциального папашу в ЗАГС. А тот особо и не сопротивлялся и всех детей записал на себя. Плакали, плакали денежки! Зато теперь, хоть и с голым задом, но с полной и крепкой семьей.

А Лилька? Что Лилька... Она согласна была остаться вообще без средств к существованию, лишь бы Димка прописал ее в своей квартире. Димка и прописал.

Почему так поступил сам Димка, тоже было понятно: очень уж он не хотел, чтобы у детей в свидетельстве о рождении, в графе «отец» стоял прочерк, как когда-то у него самого.

Так что, как ни помогай, как ни рассуждай, кругом Вера Павловна была виновата. А виноватой она быть не могла, поэтому, чтобы не дразнить гусей, лишний раз на глаза своим детям старалась не попадаться.

Теперь при наличии немереного количества свободного времени Вера Павловна все чаще начала вспоминать свою прошлую жизнь и не то чтобы анализировать ее, но выделять какие-то определенные моменты. Вспоминалось многое: и как в институте училась, и как с доктором Женей познакомилась, а потом на пышной свадьбе танцевала. Вспомнила даже, какие им на свадьбу подарки дарили (хорошие были подарки, не сильно дорогие, но какие-то важные, нужные, видно, что от души). Кстати, о подарках... А ведь ее старая обливная кастрюля, которая стоит в кухонном шкафу и до сих пор исправно служит верой и правдой — как раз из тех самых подарков...

Оценивая свою жизнь, Вера Павловна пришла к выводу, что была она не такой уж плохой — и в профессии чего-то добилась, и семью какую-никакую имела, и с матерью ладила, и сына хорошего вырастила. А что с доктором Женей так получилось, то назад уже ничего не вернешь.

Не понял он тогда, что это она сама себе придумала ту дурацкую роль и выходить из образа не хотела только потому, что надеялась, что именно он, доктор Женя, сведет ее с театральных подмостков и спустит на грешную землю.

Она ведь эту посуду колошматила не со зла, а просто стремилась чем-то отличаться, привлечь к себе внимание и, может быть, заинтересовать. А он, наверное, решил, что она хулиганка или с психическим отклонением и что с такими идиотками, как она, у него не может ничего быть.

Доктор Женя ведь так и не узнал, что она совсем не хотела бить дурацкую посуду, а всего лишь ждала, что он тихонечко подойдет, обнимет ее за плечи и скажет: «Ну что ты, успокойся! Какая ты еще маленькая и глупая девочка!»

А он не подошел и ничего подобного не сказал...

Вера Павловна хорошо понимала, что ее женское время уходит безвозвратно, если не ушло вообще. Понимала она, что наступает такой момент, когда одним хорошеньким девочкам надо уступать место другим хорошеньким девочкам, иначе, если бывшие хорошенькие девочки длительное время будут оставаться хорошенькими, на земле произойдет смятение, разлад и перебор человеческого материала. Понимала она и то, что смена поколений происходит для того, чтобы заменить отслужившие свое человеческие механизмы на новые, возможно, с тем же стержнем, с теми же клетками памяти и даже душой, в которых сохранились воспоминания о первом букетике подснежников, когда-то подаренном тебе юным отроком, и крошечной открытке, в которой и всего-то была пара слов: «С праздником! Я».

Когда это случилось? Много-много-много лет назад... А помнится, как вчера... Все-таки странная у человека память...

Это было так необычно, так нежно и так откровенно. Тогда еще перед праздником 8 марта поголовно со всех мальчишек не собирали деньги, отпущенные родителями на школьные завтраки, и не покупали всем одноклассникам одинаковую, безликую и никому не нужную ерунду. Это был одинокий, тайный подарок ей, и больше никому. И откуда только он мог раздобыть в начале весны этот прелестный, тонко пахнущий букет лесных подснежников, если тогда, во время всеобщего советского дефицита, лучшее, что можно было найти в подарок юной даме, это пахнущую горькой полынью обтрепанную ветку мимозы или, на худой конец, пяток

увядших еще на корню невзрачных тюльпанов. А вот ведь где-то нашел нежные бархатистые цветы и подарил их не кому-нибудь, а именно ей. Приметил ее, выделил из толпы и вознес на пьедестал.

Как, кстати, звали того мальчика, ну того, который... А звали его Игорь, а фамилия у него была очень красивая — Балашов. И не стоит приторяться, что кто-то не помнит, как его звали.

Тогда Вера Павловна, в то время еще Верочка, отчаянно занималась танцами, делала веревочку и без труда становилась в первую, вторую или даже пятую позицию. А Наталья Николаевна, руководитель танцевального кружка, выстроив юных танцовщиц в танцзале, сверкающем множеством зеркал, любила повторять:

— Девочки, грация... Где ваша грация?..

Что такое грация, юные танцовщицы до конца не понимали, но послушно выпрямляли спины и тянули мысок.

Чтобы искусство не пропадало даром, на каждый школьный праздник танцевальный коллектив выводили на сцену. Вера Павловна помнила, что у них даже были специальные костюмы для выступлений — короткие юбочки и почему-то пошитые по украинским мотивам сорочки-вышиванки.

Надо признать, что кружков художественной самодеятельности в их школе было множество: выходили на сцену чтецы, певцы, музыканты (ансамбль аккордеонистов), но самыми популярными почему-то были тансоры, и их танцем предпочитали открывать концертную программу и ее же закрывать.

Было ли дело в красочных костюмах, или они с девчонками действительно неплохо танцевали, теперь не упомнишь, но однажды после такого праздничного выступления к Верочке подошел одноклассник, тот самый Игорь, и тихонько, почти заговорщически, на самое ухо прошептал:

— А ты красиво смотришься на сцене! Прямо как фарфоровая статуэтка, только в движении.

— Не статуэтка, а грация! — возразила она, сама не зная почему.

— Ну, хорошо, грация! — согласился Игорь.

Еще Вера Павловна вспомнила, как после этих слов она зарделась алой краской (такая у нее была особенность, в основном от волнения) и не знала, куда деть руки, хотя еще десять минут назад, когда танцевала на сцене под пристальным вниманием десятков глаз, они были при деле, и ей совсем не мешали.

В Игоря были влюблены все девочки из их класса и из параллельных классов тоже. Во-первых, он был новенький, а первой завоевать внимание новенького — это большой престиж. А во-вторых, он очень красиво рисовал, и в первый же день, когда пришел на занятия, начал показывать альбомы со своими рисунками, чем вызвал всеобщее восхищение.

Еще он был очень симпатичный (темные волнистые волосы и яркое сияние глаза) и очень походил на популярного в то время американского певца Дина Риды, чем выгодно отличался (как тогда казалось) от безликих и замурзанных мальчишек-одноклассников.

А потом Игорь совершил беспрецедентный и трогательный поступок — накануне 8 марта Верочка обнаружила у себя в парте маленький букетик фиалок и крошечную открытку, на которой значилось всего-то два слова: «С праздником!» и странная подпись «Я».

Верочка видела, что он ее выделяет (продолжительные взгляды, улыбки, неожиданное появление там, где бывала она), но чтобы цветы к

празднику, чтобы все почти по-взрослому — к этому она была еще не готова.

После десятого класса Игорь перевелся в другую школу, а потом с родителями (его отец был военным) и вовсе переехал в далекий южный город. Накануне они с Верочкой глупо поссорились и адреса он не оставил, а сама она постеснялась спросить. Да и о чем писать человеку, о котором думаешь чаще, чем позволяют приличия и о котором, как тогда казалось, знаешь все. А когда отыскался его новый адрес, прошло так много времени, что стало понятно — об этом человеке она уже не знает ничего.

Потом ходили слухи, что Игорь выучился на художника и работал где-то в народных промыслах то ли по гипсу, то ли фарфору. А может, по фаянсу или стеклу...

«Как давно это было, — пыталась подсчитать годы Вера Павловна. — А будто вчера...»

7

Пребывая на пенсии, Вера Павловна, как она сама считала, жила спокойно и с достоинством, но бывало и такое время, когда ее тяготила хандра. Хандрить Вера Павловна обычно начинала глубокой осенью, а в последнюю календарную осень к привычной хандре добавились серьезные проблемы со здоровьем — сначала сильно заболела спина, потом заломило поясницу, а в довершение всего почти отнялась нога.

«Да, — подумала Вера Павловна, — столько лет добиралась на работу в переполненном автобусе, и ничего, было все нормально, а тут пенсия, свобода, отдыхай — не хочу, и на тебе, получай».

А еще болел затылок, даже стучал, будто там стояла маленькая наковальня.

Предаваясь невеселым мыслям, Вера Павловна нашла себе соответствующее настроению занятие — взялась перебирать старые ненужные бумаги, которых немало скопилось за долгую жизнь по столам, шкафчикам, и особенно в кладовой. Там были записки от давно ушедших друзей, поздравительные открытки с пожеланиями здоровья и семейного счастья и даже обрывки газет с когда-то наспех записанными телефонами. Звонить по этим телефонам Вера Павловна не собиралась (очень уж не хотелось, как это случилась однажды, услышать на том конце провода недостную информацию о том, что абонент отошел в мир иной), но абонентские номера, некогда записанные наспех, аккуратно переписывала в телефонную книгу и обязательно в алфавитном порядке.

Утверждать, что Вера Павловна сама не знала, для чего это делает, значило одно: слукавить. Знала она для чего. Просто, когда это случается, а случается это, как правило, внезапно, даже если человек до этого полгода или год страдал от неизлечимой болезни, то у родственников на все про все в лучшем случае будет два дня (поди все успеи и всех обзовни!) А тут у тебя под рукой готовая телефонная книга, все знакомые наперечет, да еще с именами, отчествами и фамилиями.

Нельзя сказать, что Вера Павловна часто думала о смерти, но почему-то именно глубокой осенью, когда было понятно, что грядущие поэмки и вьюги все-таки неизбежны, ее начинало одолевать томительное беспокойство, что эту зиму она может и не пережить.

А еще почему-то настойчиво вспоминались похороны одного дальне-

го родственника, пришедшиеся на лютые крещенские морозы, на которых она случайно оказалась в далеком детстве. Правда, самих похорон она не помнила, видимо, от этого печального сюжета ее оградили по малости лет, а вот тот факт, что уже за поминальным столом мужчины, копавшие могилу, долго обсуждали, что им пришлось почти полдня долбить ломом мерзлую землю, прочно врезался в память. Еще ей почему-то запомнился бесцветный поминальный кисель, разлитый по граненым стаканам, который она так и не смогла выпить из-за подступающего чувства тошноты, потому что кисель своим внешним видом очень уж напоминал чьи-то сопли, и противный рис с изюмом, почему-то разложившийся по лафитникам. Рис обязательно нужно было съесть, чтобы помянуть покойника, но рис она тоже не съела, а значит, покойника не помянула.

Но, с другой стороны, если рассудить, летом умирать — тоже не благодать: мухи и жара... А осенью? Там сплошные дожди, засунут тебя в свежевырытую канаву, полную воды, и плавай ты там как хочешь в своем последнем смертном доме... Хотя тебе-то самой по большому счету уже будет все равно...

«Лучше, конечно, совсем не умирать, — рассуждала, все глубже предаваясь грустным мыслям, Вера Павловна, — но так не бывает: Иисус Христос и тот умирал. А с другой стороны, как человеку не умирать, если со временем он так изнашивается, что превращается в старый никому не нужный башмак».

Вдобавок к одолевающим горестным мыслям в последнее время Вера Павловна стала замечать за собой еще одну примечательную странность, которая ее крайне настораживала: чуть ли не до поздней ночи она не выключала телевизор, даже если все происходящее на экране ее уже мало интересовало. И были тому сразу две причины. Во-первых, с выключением телевизора становилось понятно, что из жизни ушел еще один день, а во-вторых, когда он (телевизор) работал, создавалось впечатление, что в доме еще кто-то есть.

Но даже включенный телевизор не всегда помогал Вере Павловне переживать праздники, которые она не очень любила, особенно когда с магазинных полок сметалось буквально все, даже прежде невостребованное. Именно в предпраздничной суете Вере Павловне начинало казаться, что все покупатели, совершающие варварские набеги на супермаркеты и опустошающие их, кому-то еще нужны, а она — уже нет.

8

Больше всего Вера Павловна не любила Новый год и новогоднюю ночь, когда большая часть населения под брызги шампанского загадывала желанья. Считается, что под бой курантов их можно загадать целых двенадцать, причем самых разнообразных, но такого количества новогодних желаний у Веры Павловны уже не находилось, было только одно: здоровья себе и своим родным. Но ведь не будешь же об одном и том же просить целых двенадцать раз?

Была и еще одна новогодняя проблема, которая постоянно выбивала Веру Павловну из колеи — она не умела открывать шампанское. Однажды попыталась это сделать самостоятельно, но игривое вино, как сказочный джинн, выскочило из бутылки и начало пузыриться уже на ковре. Конечно, можно было с этим вопросом обратиться к соседям, с которыми Вера Павловна, правда, мало знакома, но, во-первых, тогда они поймут,

что новогодний праздник она отмечает одна, а значат, никому не нужна, а во-вторых, те же соседи начнут ее, как человека одинокого, жалеть и приглашать к столу, а проявления жалости по отношению к себе Вера Павловна уж точно вытерпеть не могла.

Но надвигающийся Новый год все-таки надо было как-то отмечать, и в конце декабря Вера Павловна отправилась закупать продукты. За покупками она обычно ездила в соседствующий с городом небольшой поселок, — благо, проезд у нее, как у пенсионера, теперь был бесплатный, а там, на стихийном рынке, все продавалось намного дешевле.

Продукты для стола Вера Павловна закупила быстро (ей-то одной много ли надо), а после этого решила пройтись по окрестностям рынка, где торговали всякой ерундой. Был за рыночными воротами специальный пятачок для живности, здесь продавали кошек, собак, морских свинок и даже голубей, существовало насиженное место для автолюбителей (ну, это ее интересовало мало), а еще на задворках рынка было специальное местечко, где люди торговали кто чем. Именно тут, на деревянных ящиках, а иногда и просто на старых газетах, продавцы раскладывали свой нехитрый товар: давно вышедшую из моды одежду, скобяные изделия, домашнюю утварь и выкупленные когда-то за сданную макулатуру книги.

Книжные развалы больше всего привлекали внимание Веры Павловны (хотя дома у нее имелась неплохая библиотека), но лишних денег у нее, как у человека, пребывающего на гособеспечении, не водилось, поэтому ходила она сюда больше с развлекательной целью: полистать и посмотреть. Пройдясь по книжным рядам, Вера Павловна не обнаружила для себя ничего примечательного, но потом ее взгляд неожиданно упал на очень интересную вещицу, которую предлагал пристроившийся чуть поодаль невысокого роста продавец с сиреневым носом и характерным ярко-красным румянцем на лице.

— Какая у вас прелестная статуэтка! — Вера Павловна неподдельно обрадовалась неожиданной находке.

— Да, это барышня с собачкой, в шляпе и с цветами, — прокомментировал продавец.

Барышня, действительно, была одета в шляпку с цветами, изящно прикрывающую ее каштановые локоны, коричневатое платье с изумрудной оторочкой и такого же цвета передник. Покрутив статуэтку со всех сторон и предельно рассмотрев ее, Вера Павловна вдруг обнаружила, что у барышни отсутствует одна рука, которой она, по замыслу мастера, должна была поддерживать маленькую собачку.

— Какая мелочь, — нехотя ответил на замечание продавец. — Внучка малая была, так уронила.

Вера Павловна отметила, что продавец был из той породы людей, которым было без разницы, что продавать и купят ли его товар вообще, лишь бы быть на виду. А может, все было гораздо проще — он только хотел немного заработать на опохмел.

Вера Павловна еще раз повертела статуэтку в руках, и с удивлением заметила, что отсутствие конечности саму барышню ничуть не смущает, и было понятно, что некоторая дымка грусти пробежала по ее лицу вовсе не оттого, что она потеряла часть левой руки. Да и собачка, которую барышня прижимала к себе, чувствовала себя вполне комфортно, несмотря на ущербность хозяйки. А осиная талия юной прелестницы, подчеркнутая передником, и вся ее точеная фигурка, были исполнены таким изя-

ществом, что будь она женщиной, из плоти и крови, никто бы из ее многочисленных поклонников даже не обратил внимания на то, что у нее недостает конечности.

«Бывает же такое, — удивилась Вера Павловна. — Впору слезы горячие лить, а она полна достоинства и весела».

Изящества барышне-статуэтке добавляло открытое белоснежное плечико с приспущенным лифом и едва видневшаяся из-под платья маленькая ножка в черной туфельке, которую барышня, как бы нехотя, выставляла напоказ всего лишь для того, чтобы убедиться, что эта туфелька не слишком пострадала от нечаянно встреченной лужи.

— И почему ваша барышня? — поинтересовалась Вера Павловна у продавца.

Продавец назвал приемлемую цену и почему-то с грустью добавил:

— Никто теперь не ценит старину...

— Ну, какая же это старина? Это современная работа, просто искусство стилизована, — возразила Вера Павловна.

— Современная — не современная, а постояла у меня, постоит у вас и будет стариной.

Принимая окончательное решение — приобретать или не приобретать изящную барышню — Вера Павловна заметила, что из-за ее плеча симпатичную статуэтку рассматривает еще одна возможная покупательница — маленькая старушка в линиялом выцветшем пальто.

По ее виду было понятно, что красивая статуэтка ей явно нравилась. Уже отходя в сторону и прощаясь взглядом с милой вещицей, безымянная старушка с очевидным восторгом произнесла:

— Грация! Какая грация!

— Да, грация! Настоящая грация, — согласилась Вера Павловна.

Вполне можно было бы предположить, что старушка в линиялом пальто — в сговоре с несомненно пьющим продавцом, не понимающим ценность продаваемой вещи, но даже несмотря на это, ее слова Вере Павловне были приятны. И рука невольно потянулась за кошельком.

9

Про гипсовые и фарфоровые статуэткі в жизни советских людей можно написать отдельный трактат. Вера Павловна хорошо помнила, что в середине 70-х подобные статуэткі были почти в каждом более-менее приличном доме. Они украшали своим присутствием с таким трудом купленный буфет или горку, или, того круче, сервант. Их приобретали для подарков, дарили и передаривали, и вполне могло статься, что статуэтка, однажды приобретенная вами в магазине по случаю чьего-нибудь дня рождения, могла неожиданно возникнуть уже на вашем дне рождения, и тоже в качестве дорогого подарка.

В преддверии праздников их протирали ветошью или влажной тряпкой и водружали на шкаф, подалше от детей, чтобы, не ровен час, не удосужились разбить. Статуэткі эти были разной направленности: сказочные, шуточные, изображающие животных и людей, были статуэткі-птички, статуэткі-мышки, красавицы на коне и без коня...

Добираясь до автобусной остановки, Вера Павловна размышляла о том, насколько удачно ее новое приобретение впишется в домашний интерьер и украсит витрину старинного буфета, где уже стояло несколько незатейливых статуэток, доставшихся ей по наследству от матери: хозяй-

ка Медной горы, наездница, толстый виночерпий и девушка в нарядном национальном костюме.

Но это не было главным. Главным было то, о чем Вера Павловна даже страшилась подумать и только краешком сознания отмечала про себя: а ведь может быть и так... Но краешек сознания витийствовал, как только мог: то распахивался во всей красе, будто бархатные крылья бабочки-шоколадницы, то схлопывался, являя их затрапезную изнанку.

«И что тот мальчик, Игорь... Он, кажется, выучился на художника... А если эта барышня с милой собачкой — далекий привет от него?»

Добираясь домой в переполненном социальном автобусе, где пенсионерам был положен бесплатный проезд, и вытирая старым носовым платком крупные градины пота, изрядно выступившие на лбу из-за духоты, Вера Павловна вконец устыдилась своих праздных назойливых мыслей и все настойчивее пыталась их отогнать.

«Какой художник? Какая барышня? — чуть было не воскликнула она в сердцах. — Старческие кости бы до дивана дотащить, а все туда же...»

И тут она почувствовала, что ее лицо, как в далеком детстве, заливает предательской краской. И ей стало так жалко себя, и так стыдно, и так неудобно... Было стыдно перед художником Игорем... Если бы он увидел ее сегодняшнюю и сравнил с порхающей грацией Верочкой, то наверняка разочаровался бы и бросил собственное ремесло, было стыдно перед сыном и даже не сильно любимой снохой, которых, скорее всего, ей придется нагрузить своей все надвигающейся немощью. Почему-то заранее стало неудобно перед знакомыми и даже малознакомыми, включая медсестер и врачей, которым она невольно уготовила безрадостную участь созерцания старости... И неизвестно почему было стыдно перед прелестной барышней с собачкой, случайно приобретенной сегодня на колхозном рынке.

И очень уж захотелось Вере Павловне найти в себе силы и, как в прежние времена, зашагать по земле твердо и уверенно. Может, и не так долго осталось шагать, но все же лучше, если она будет чувствовать, что движется по ней не бесцветная каракатица, озадаченная тем, как погорше пожаловаться на судьбу, а благодарный Создатель человек. Благодарный за маленькие и большие радости и поучительные неудачи, за первый букетик подснежников и еще не увядшую память, а главное — за неоценимый дар прийти в этот мир и возможность в нем задержаться, которая не каждому беспрепятственно дается и которая не была отнята нелепой случайностью, внезапной бедой или чьими-то недобрыми мыслями.

САЛО

1

Почти все праздники, устраиваемые в начале 60-х в доме у тетки Варвары Прокошиной, заканчивались потасовками. Бузили чаще всего двое — старший Варварин сын Юрик и муж ее младшей сестры Анюты Семен Титович, по-уличному — Титыч. Другие участники кулачных боев были попеременными, в зависимости от того, кто и сколько выпьет. Чаще всего в их число входили братья-близнецы Вадик и Борька, реже — хромой Афанасий, живущий от тетки Варвары через два дома, а иногда и фронтовик Василий Потапов.

А начинались застольные мероприятия, приуроченные к какой-либо

знаменательной дате, очень даже торжественно: в неказистый тетки Варварин домик собирались многочисленные соседи, ближние и дальние родственники и выводок разновозрастных ребятишек, которым накрывали отдельно в небольшом закутке на кухне. Правда, последние здесь особенно не кучковались — старались незаметно пробиться к взрослым столам и исподволь стянуть лакомый кусочек.

По случаю праздника мужчины облачались в светлые сатиновые рубахи и чистые брюки, крепленные для стройности и надежности разномастными трофейными или солдатскими ремнями — наследством прежней фронтовой жизни, а женщины надевали нарядные цветастые платья, поверх которых неизменно накидывали яркие полушалки.

Чтобы порадовать хозяйку и не быть в тягость ее скромному семейному бюджету, каждая пара гостей, с учетом количества едоков, на общественное гульбище определяла пищевой взнос в виде холодца, вареных яиц или жареных куриц, если таковые были в наличии, а те, кто позажиточней, приносили с собой кусман вареной колбасы, колбасный сыр или банку-другую килек в томате, по случаю купленных в городе или местном сельмаге. Сама хозяйка — тетка Варвара Прокошина — тоже не сидела сложа руки: отваривала вдоволь рассыпчатых картох, крупными ломтями нарезала розовое сало, несла из погреба хрустящие грибочки, чаще всего грузди, квашеную капусту, помидоры и, конечно же, пупырчатые огурчики — на закусь. Как же без них?

Откуда-то, из каких-то тайных схоронок на столе появлялось спиртное. Оно было невзрачное, мутноватое, а разлитое по граненым стаканам становилось похожим на разбавленное молоко. Но это для мужчин. А для женщин вскладчину закупалось вино в огромных бутылках, напоминающих огнетушители, которые тетка Варвара прятала за печкой и выдавала гостям по одной по мере опорожнения емкостей.

Поначалу приглашенные жадно налегали на выпивку и закуски, но по мере насыщения тем и другим пыл их остывал. Нельзя сказать, что в своих семьях они сильно голодали (хотя случалось и такое), просто, когда столы ломились от всякой всячины, грех было вкусно не перекусить. Правда, нажимали на изобильную еду не все — заправские любители горячительного всемоу остальному предпочитали соленья — норовили набросать в рот квашеной капустки или всласть похрустеть соленым огурчиком.

С тостами гости сильно не церемонились — и без того было понятно, по какому поводу собрались. Обозначались тосты обычно кем-нибудь из особо уважаемых фронтовиков и разнились только исходя из времени года. Если всеобщее застолье собиралось в мае, то звучало так: «Давайте за Победу!», а если глубокой осенью, то «Давайте за революцию!».

Хотя, надо признать, что за революцию пили менее торжественно, чем за Победу: во-первых, она отстояла во временном отрезке дальше, чем почти что вчерашняя Победа, и все празднующие, большей частью недавние фронтовики, рожденные уже в двадцатых, застали только ее последствия, а во-вторых, когда пили за революцию, присутствующие невольно косились в сторону Нины Ивановны Камневой, сидящей здесь же за столом, которая революционными переменами не сильно восхищалась, хотя прилюдно этого и не выказывала.

А дело было в том, что семье Нины Ивановны всеобщая революция ничего хорошего не принесла — в ходе ее вероломного шествия была экспроприрована пуговичная фабричка, когда-то принадлежавшая ее дяде,

а сам дядя, не ожидавший такого коварства от новой власти, вскоре отошел в мир иной.

Стоит добавить, что сама Нина Ивановна от репрессий не пострадала, так как была малолетней и имела официальный статус сироты — якобы пребывала у дядьки-буржуя в воспитанницах. В дальнейшем она даже сумела выучиться на бухгалтера, но ее грустные и продолжительные взгляды на бывшее семейное производство, от которого по причине последовавшей вскоре после экспроприации бесхозяйственности остался только главный фабричный корпус, селяне подмечали и в глубине души ей даже сочувствовали.

Присутствовавшие на торжестве дети по малолетству не вникали в тонкости тостов, и судьба прямой наследницы местной пуговички Нины Ивановны Камневой их тоже пока не сильно волновала. Их несформировавшийся детский организм больше привлекали те вкусности, которые в изобилии пребывали на праздничном столе. Под шумок они норовили положить в свою маленькую тарелочку дымящихся картох, здобренных постным маслом, выудить из общего блюда кусочек мясистого холодца и, предварительно отчистив его от застывшей юшки, превратившейся в жирноватый налет, вместе со свежайшей черняшкой спровадить все это в рот. Вкусно! Как же было вкусно!

Между тем захмелевшие гости, обсудив за общим столом все свои насущные дела, друг за другом начинали выходить на перекур или, если это были женщины, просто размять ноги или проветриться. В ходе перекуров обсуждались вопросы индивидуального характера, отчего разномастные кучки мужиков или женского сословия можно было заметить возле парадного крыльца тетки Варвариной хаты или поодаль, или за углом, а тех, кто обсуждал особо секретные вопросы, можно было застать даже за дальним дровяным сараем.

После помывки тарелок и длительного перекура гости обычно собирались на вторую часть застольного торжества, которая отличалась от первой отчаянной музыкальностью.

— Вот кто-то с горочки спустился, — затягивала голосистая Маша-Кульчиха.

— Наверно, милый мой идет, — вторила ей другая Маша — Черемина. Это было только начало застольных спевков. А потом полилось:

— Хмелю, ты мой хмелю, хмелю зелененький... — залиvisto выводил муж младшей тетки Варвариной сестры Анюты Семен Титович.

— Хмелю зелененький... — вторила ему Анюта на одном дыхании. А потом были «Ридна мати моя...» и другие печальные малоросские песни.

Никто уже особо не удивлялся, откуда здесь, в чисто русском фабричном поселке, появились тягучие малоросские напевы. Со временем они становились своими, так же как те, кто занес их сюда с далекой певучей родины. Приносили их постепенно, живой певучей посылкой, доставленной почти в каждую семью. Ну, если не в каждую, то во многие, это точно.

В самом начале 50-х по всей стране шло массовое строительство. Строительство шатко ли, валко идет всегда, но то, что развернулось в те годы рядом с маленьким фабричным поселком, имело статус особый: строили новую бетонку, которая должна была соединить между собой два важных объекта — объект А и объект Б. Объекты отстояли друг от друга не так далеко, но доехать от одного к другому по разбитым проселочным дорогам было непросто. И тогда какие-то умные головы решили прочертить

прямую и соединить объекты один с другим. Но чтобы соединить их не на бумаге, а на деле, нужны были строители. И их пригнали, пригнали в избытке. Это были не просто строители, а те строители, которых нужно было охранять. Правда, сами они убежать не собирались, но охранять их все равно было нужно — так полагалось.

Новому строительному объекту присвоили номер в/ч 345, хотя никакой в/ч тут не было и в помине, вернее, была, но на довольно значительном расстоянии. Так они и существовали под одним определяющим обозначением — настоящая в/ч и не в/ч, но под тем же номерным знаком.

Сами строители проживали в холодных бараках, по углам которых в стужу искрился снег, а тех, кто их охранял, селили в бараках потеплей. Почему нужно было охранять строителей? Потому что оказались они на данной стройке не по доброй воле. Почти каждый из них имел одну и ту же неблагонадежную статью, но с некоторым ее разнообразием.

В число тех, кто охранял неблагонадежных строителей, почему-то традиционно мобилизовывали парубков из далеких украинских деревень, которым подходил срок армейской службы. Наверное, в том и был определенный резон: первые — заключенные — были из местных, или почти из местных, а вторые — те, кто их охранял — приезжали издалека. Оно и правильно: если назначить охранников из местных, из своих, то может начаться панибратство и кумовство, а если из тех, кто издалека, то первые не будут панибратствовать, а вторые — первых, и своячничество из обихода будет напрочь искоренено.

Как бы там ни было, но охранная служба из бравых украинских парубков в пристанционном фабричном поселке нашла свое логическое продолжение: у нового поколения местных и коренных начали появляться совсем не местные фамилии. Со временем они стали прозываться Охрименками, Кузьменками, Оксененками, Эттенками, Журавлями и даже Ткачами.

Муж младшей тетки Варвариной сестры Анюты тоже был из охраны, из вохров, и одно время бегал по в/ч не в/ч в форме, но с оружием и даже с собаками. А после того как отслужил срочную, женился и осел теперь уже в знакомых местах. Так поступали многие. Можно даже сказать, что призванные в охранную службу украинские парубки сыграли в маленьком фабричном поселке довольно положительную роль — они активно разбирали замуж засидевшихся в девках барышень и наделяли их каким-никаким женским счастьем.

2

Старший тетки Варварин сын Юрик заливистые украинские песни петь не любил. После третьей рюмки он уже сидел за столом, набычившись, и не сводил мутного взгляда с Семена Титовича, который, напротив, пребывал в веселом расположении духа и в перерывах между песнопениями не забывал сытно перекусить, особенно налегая на сало.

— Что, вкусно? — как обычно затевался Юрик, вперив в собеседника глаза с недобрый прищуром.

— Очень даже вкусно, — спокойно отвечал Титыч, не реагируя на выпад племянника.

— Ну, ешь, наедайся, — зло заключал Юрик таким тоном, что всем было понятно: на самом деле приятного аппетита он Титычу не желает и ничего хорошего тоже не желает — ни сегодня, ни вообще.

Но сало у тетки Варвары Прокошиной действительно было вкусным: розовое, мягкое, с большими мясными прослойками. Но таким оно получалось вовсе не из-за того, что хозяйка намеренно стремилась снять именно прослойчатое сало. Просто помещенному в холодный хлев кабанчику, а чаще всего хрюшке, мало что перепадало с общего стола — все дочиста подметалось самими хозяевами. Положа руку на сердце, стоит признать, что жила эта самая хрюшка всю свою недолгую жизнь в основном впроголодь, о чем оповещала частым и противным криком всю округу.

Летом, конечно, было проще — можно было нарубить крапивы, смешать ее с мучнистым комбикормом, залить все это теплой водой и накормить животину вдоволь, а вот весной, осенью или зимой... Впрочем до очередной зимы хрюшка чаще всего не доживала, ее земные дни были сочтены еще поздней осенью в канун первых заморозков после Покрова.

С аппетитом поедая сало, обильно сдобренное хреном, Титыч почему-то не вступал в очередной куплет застольной песни, хотя его участия ждали, потому что голос он имел от природы хороший и частенько солировал. Много лучшим для себя он считал право оставаться сторонним наблюдателем, и от осознания этого права, а также от наслаждения, повод для которого был понятен только ему самому, случалось, даже прикрывал глаза: заливиная украинская песня нежно улаживала его слух, напоминала о родной хате с мазаными коровьим навозом стенами, рушниках, вывешенных на божничке, и буйных подсолнухах на огороде. Да мало ли еще о чем...

Зажмурившись от удовольствия, словно пригретый солнцем мартовский кот, Титыч невольно радовался и тому, как на редкость быстро (помалоросски — швидко) украинские песни приживаются здесь, на чужих просторах, и, найдя совсем иных, но по праву достойных исполнителей, будто обретают новую силу и мощь.

Старший тетки Варварин сын Юрик был не против украинских песен. Где-то в глубине души они ему даже нравились, но иногда ему казалось, что вместе с песнями его жизненное пространство, то, что он привык считать своим и неделимым, начинают занимать другие. И занимают его как раз те, кто как усладу, как приманку приносит из далеких малоросских земель эти дивные песни.

По характеру своему и, может быть, по молодости лет Юрик слыл человеком занозистым и петушистым, а внешность не вровень характеру имел тщедушную и худосочную. Сама тетка Варвара считала, что это от недокорма. А где ему было накормиться, если выпало Юрику появиться на свет как раз перед войной, в самом конце сорокового. И едва минуло младенцу полгода, как мобилизовали тетки Варвариного мужа Василия на фронт.

Рассказывали, что тетка Варвара так по нему голосила и убивалась, так цеплялась за солдатскую шинель, что чуть было не оторвала от нее полу. Но как оказалось позже, голосила она так горько не в последний раз: едва закрылись за мобилизованным дворовые ворота, как свекровка — мужнина мать — спровадила вслед за ним и молодую сноху. Нехорошо, зло спровадила: отрезала краюху хлеба, сунула младенца Юрика в руки и велела идти куда глядят глаза.

— У меня своих малых трое. Куда еще ты? — только и кинула вслед.

Варвара понимала, что дело не только в том, что она с Юриком в хозяйстве свекровки — лишние рты. Сама вину свою знала: нечего было удаль показывать да додельностью новую родню удивлять...

Свекровка с самого начала молодую сноху невзлюбила, как та ни старалась. Она хотела сыну невесту из своих — из дальних родственников или соседей, но тот, когда женился, воли родительской не спросил. Вот и трепала она Варвару, как только могла.

Свекровка мысль — взять в дом своего человечка — была вполне оправдана и понятна: со своими делиться — не так жаль, и если помощь какая нужна, свояки набегут. А тут, выходит, нечего и ожидать — сноха была незнамо откуда взята.

От свекра молодой добрых слов тоже не перепало — занят был он целый день на извозе, развозил на старой коняге товары по селам и деревням.

А однажды и вовсе случилось ЧП. Привез как-то свекор из очередной поездки большой отрез ситцу и наказал свекрови пошить постельное белье, видно, насмотрелся у городских, как люди живут и на белом спят.

— Так тож швейная машинка нужна! — всплеснула руками свекровь, а сама ситец в сторону отодвигает — сразу стало понятно, что никаким наволочкам с простынями в этом доме не бывать.

— Давайте я пошью, — неожиданно для себя предложила Варвара.

— Так тут же швейная машинка нужна! — повторил чужие слова потерявший всякую надежду свекор.

— Не нужно никакой машинки, я на руках, — заверила его молодая.

И действительно, пошла Варвара белье филигранно, стачала и обработала каждый шов — опыт у нее был. Наволочки, простыни и пододеяльник получились загляденье, но вместо того, чтобы похвалить, свекровь только недовольно поджала губы. Было и без слов понятно, что она хотела сказать: мол, я за эту работу не взялась, значит, и ты не лезь. А вот свекор, наоборот, после того случая начал относиться к молодой немного уважительнее и теплее и даже предложил передохнуть, когда она с огромным животом, ожидая первенца, пласталась в поле на уборке картошки.

А потом и вовсе лихие денечки подступили — грянула война. На фронт тетки Варвариного мужа Василия призвали сразу, уже в 41-м, так что ту картошку они почти всю успели доест, а до новой еще не дошли.

Теперь неизвестно, за что так жестоко отомстила Варваре свекровь, когда прогнала ее со двора: то ли за искусно пошитые простыни и наволочки, то ли за что еще, но как бы там ни было, надо было искать себе новый приют.

И куда деваться, да еще с малым дитем? Конечно же, к матери в деревню, а это километров пятьдесят, без денег, без еды, на перекладных. Юрик по дороге приболел — донимал понос. Ну, это ладно, детская хворь, но сверх того что-то приключилось у него с глазами — сначала загноились, а потом закрылись насовсем.

— А ты песочком глазки ему потри, — посоветовал дедок, который из милости и сочувствия к молодой матери подвозил ее на своей скрипучей подводе.

Она и потерла, и чуть было совсем без глаз не оставила. Вскоре, когда глаза открылись, на одном из них начало расти бельмо. Так и вошел Юрик в жизнь: худой, неказистый, да еще и с бельмом на правом глазу...

Иногда даже казалось, что тетка Варвара Прокошина недолюбливает своего старшего сына Юрика. Но это было не так, вернее, не совсем так. Просто, бывало, она стеснялась, что Юрик получился у нее как костюм у неопытного портного — и там тянет, и здесь рябит. Видно, многое было

ему недодадено и в него недовложено — и еды, и тепла. Это как пироги... Чтобы их испечь, нужна добротная опара, яйца, свежие дрожжи. А если в наличии всего лишь щепотка плохонькой муки, как ни крутись, пироги не подойдут.

3

Сама тетка Варвара Прокошина особой красотой никогда не блистала, даже по молодости лет: лицо имела широкое, с маленьким курносым носом и глубоко утопленными глазами. Фигура у нее была под стать лицу — крепко сбитая, будто посаженная безо всяких переходов и талий, подобно трехведерному самовару, на громоздкий таз.

Внешностью Варвара пошла в отцовскую породу, которую по-уличному прозывали «калмыками» — видно, действительно в их роду когда-то отметился заезжий калмык. Однако такие особенности внешности никогда не мешали, а может, и помогали тетке Варваре исправно тащить на себе тяжкий воз всяких домашних забот. Так было и раньше, в юности и по молодости, и потом, когда она отделилась от родных и зажила своим домком.

Когда Варвара в девичестве проживала у матери, были на ней весь дом и огород, а еще присмотр за младшими братьями и сестрой. С братьями-то что случится? Только и напастей, что штаны порвут или из чужого сада яблочк натаскают. А вот сестра... Из-за младшей сестры Анюты ей больше всего и доставалось.

Как только Анюта вошла в вальяжный возраст, как только округлилось у нее в фигуре и спереди, и сзади, так и началось: то с одним ухажем ее за околицей приметят, то с другим. Что только ни делала Варвара, чтобы младшую сестру от беды уберечь: и в доме запирала (а та в окно), и из-под кустов вытаскивала, ничего не помогло. Матери жалиться было себе дороже: та всю вину на старшую переложит, мол, твой недосмотр.

На все сестрины увещевания Анюта отвечала одно и то ж:

— Ты просто мне завидуешь! Понимаешь, что в твою сторону никто не поглядит!

В отличие от Варвары красотой Анюта пошла в мать: высокая, статная, носик точеный, бровки домиком — чудо как хороша! Но только внешность Анюта взяла от родительницы, а по другой части — вся в отца. Тот всю жизнь плотничал по окрестным деревням и в каждой из них имел теплую, нагретую кем-то постель и сытный обед у местных вдовушек да разведенков. Где-то среди них и затерялся насовсем — глаз не казал уже третий год. То ли жив, то ли нет, никто и не знал.

А еще была Анюта сызмальства крученая и верченая, знала, кому и что сказать, к кому и как подойти. И даже старшую сестру обводила вокруг пальца по части хозяйственных дел. Стоило ей только всплеснуть руками и подластиться: «Ой, как ты, я не смогу!», как Варвара таяла и готова была лопатиться за двоих.

Так и прошла бы Варварина жизнь при коровах и поросятах, если бы не производственный набор на ткацкий станок — ездил агитатор по деревням, приглашал молодых девиц поработать на фабрику. Варвара и согласилась — и нужную профессию получит, и живую копейку в семью принесет.

Поначалу жила она с девчатами, такими же ткачихами, на квартире у хозяйки. За квартиру платили в складчину, а спальных мест было в об-

рез. Спали по очереди, кому как повезет: если в ночную смену, то до обеда, если в дневную, то после него. Неудобно, но как-то приновились.

Обед у молодой ткачихи состоял из пары купленных у уличной торговли пирожков с капустой и чая, а ужин — из кулечка подушечек-конфет. К подушечкам Варвара пристрастилась не просто так, заметила: когда конфеты сосешь, меньше хочется кушать.

Напрасно сестра Анюта предрекала, что в сторону Варвары никто не поглядит. Очень даже поглядел. Вот именно, что поглядел, но не смог ничего сказать, потому что в ткацком цеху было так шумно, что сам себя не узнаешь. Когда работает одна ткацкая машина, и то в ушах звенит, а когда их целый цех, а вокруг все спуют, шпульки вставляют, переставляют, творится суицид ад. Звали его Василий, и трудился он наладчиком станков. Когда что-то ломалось или застопоривалось, или станок без нужды вставал, был он, как и положено, тут как тут.

Варвара поначалу его даже не заметила — маленький, щупленький, из-за огромной машины его не видать, а ведь ничего — с нормой справлялся, простое у ткачих не случалось. А вот он ее приметил сразу, еще бы не приметить, ее-то гренадерскую фигуру ни за какую машину не спрятать. Пару месяцев ходили они рука об руку да на танцы. А еще он ее мороженым угощал. Она благодарила, но упреждала, чтобы лишних денег не изводил.

Василий был обходительный, без глупостей, под подол не лез, в темных углах не зажимал. А как повстречались положенное время, предложил он ей замуж пойти и его же фамилию взять.

«Чем не муж?» — подумала Варвара. И пошла.

Когда задумывался Юрик, Варвара мечтала, что внешностью он пойдет в Василия и будет иметь лицо милое и наружность приятную, а уж фигурой — плотной и крепко сбитой — пусть в нее. Но получилось все наоборот: лицом Юрик выдался в мать: скуластый, с глубоко посаженными, чуть раскосыми глазами (наследство неизвестных, но хорошо наследивших в роду калмыков), а неказистой и нескладной фигурой — весь в отца.

4

В марте 43-го на Василия пришла похоронка, в которой сообщалось, что погиб он смертью храбрых где-то под Вязьмой, в боях. Анюта с матерью заверяли Варвару, что теперь ей положено денежное вспомоществование, как вдове, и надо по этому поводу хлопотать. Но Варвара не спешила хлопотать, только то и сделала, что повязала на голову темный, еще бабушкин платок, который отыскала в схоромках в старом сундуке, и еще глубже ушла в хозяйство.

А потом неожиданно принесли письмо, из которого выяснилось, что муж ее, Василий Прокошин, на самом деле не погиб, а был тяжело ранен и в настоящее время находится на излечении в госпитале, куда Варвара незамедлительно и отправилась.

Пока Варвара проведывала мужа, пока ухаживала за ним, пока добиралась длинной дорогой в оба конца, Анюта с матерью (та прихварывала) запустили картошку и не успели вовремя ее убрать. И возвратившаяся Варвара вынуждена была выковыривать картошку чуть ли не из мерзлой земли.

Дома ждала еще одна беда: Анюта не уследила за Юриком — он упал с лестницы и сломал себе руку. Расстроенная Варвара бросилась к сестре

с упреками, но та в ответ только повела плечом: мол, не мое это дело за малым следить, да и ничего страшного, до свадьбы заживет.

Когда Василий демобилизовался и вернулся домой, когда отгремели последние салюты победы, Варвара понадеялась, что теперь-то лихим временам наступит конец и они, наконец, заживут и вздохнут, но не тут-то было. Уже на следующий год, едва Прокошины успели приспособить под жильё небольшую сараюшку, как наступила пора бескормицы и голодухи: в ход пошли лебеда и крапива, каменные лепешки из листвы и цветов липы, заячьи ушки и калачики — в пищу годилось все, что только можно было съесть.

А однажды Варвара поймала за сараем большую старую крысу. Сначала хотела просто прибить ее лопатой, чтобы наказать за мародерство, за то, что последнее съестное из дому несёт, а потом решила освежевать и сварить. Правда, похлебка из крысы вышла не слишком наваристой, видно, и та от бескормицы отошала, но Юрик ел с аппетитом и наелся власть, наверное, первый раз за всю весну лютого сорок шестого года.

Уже поздней осенью того же года Варвара снаряжала пятилетнего Юрика вместе с соседскими ребятишками копать в поле неубранную мерзлую картошку. До колхозного поля надо было идти по бездорожью километра три, а то и четыре. И он ходил.

Картофельные очистки шли на оладьи — надо было их подсушить и перетереть, а потом кинуть чуток муки, влить, если есть, постного масла, и на сковороду. Тем и довольствовались.

Случалось, что за ту мерзлую картоху тетка Варвара Юрика еще и ругала — ей казалось, что по сравнению с другими сверстниками он мало что приносил. И даже, бывало, высказывалась, не стесняясь: мол, ты только есть горазд, а как чего добыть, так тебя нет.

А потом еще ругала и упрекала Юрика за щавель и заячью капусту, за которыми посылала его по весне. Иногда Юрик приходил пустой и говорил, что капусты нет, кто-то ее уже собрал, а потом его донимал понос. Варвара не верила Юрику, подозревала, что заячья капуста была, но он ее нашел и сам всю уел.

А осенью она ругала Юрика за грибы — он был невнимательным и, как ей казалось, ленивым. И действительно, грибы, в основном валуи, Юрик собирал плохо, не шустро, а некоторые даже давил.

Но засоленные в глубокой кадке валуи не помогли безбедно пережить зиму — уже к следующей весне у Юрика начал расти живот, и местная фельдшерица сказала, что это рахит или даже дистрофия. Неожиданно пришла на помощь соседка-фронтовичка — принесла Варваре небольшой кусочек сала. Не пожалела, хотя у самой в доме были мал мала меньше.

Так и выхаживали пацана — тетка Варвара нарезала сало маленькими кусочками и давала Юрику. Он его медленно рассасывал, а потом так же медленно жевал. Помогло, но после этого огромный живот еще долго болтался впереди Юрика, как сдувшийся футбольный мяч или как туристический рюкзаки.

В начале 50-х стало немного легче — Прокошины прикупили в соседней деревне небольшой сруб и с помощью отзывчивых и трудолюбивых соседей возвели себе небольшой домик об одной комнатке и кухне. В комнатке, прямо за печкой, соорудили двухспальный топчан, можно сказать

первое семейное ложе и отделились от уже подросткового Юрика (чтобы не смущать) плотной занавеской.

Но супружеское благоденствие в новом, еще пахнущем свежеструганными досками дому, было недолгим — в гости из родных краев пожаловала Анюта — тоже намеревалась поступить на фабрику ткачихой.

Перед тем как Анюте отправиться в путь, мать прислала Варваре длинное письмо, в котором сообщала о местных новостях и очень просила сестру приютить. О грядущем приезде Анюты Варвара сообщила за поздним ужином, когда муж и сын сидели за столом.

— Анюта приезжает, — как бы между делом сказала она. — Просит-ся на постой.

— Оно нам надо? — проворчал недовольный Василий. — Только сами начали жить.

А немного помолчав, добавил:

— Да и помощи от нее никакой... Еще и кормить придется.

— Не объест, все же сестра, — сказала свое последнее слово Варвара.

Сначала Анюта сама в чужой семье прижилась, а потом и жениха привадила. Василий, недовольный, конечно, ворчал, но что поделать — родня.

— Знакомьтесь, Семен, — представила Анюта родственникам щекастого, крепко сбитого парня.

— Семен Титович, — добавил тот и заверил: — Я в ваших краях долго не задержусь.

Жених, который позже стал законным Анютиным мужем, был из пришлых, из тех самых, которые охраняли в/ч не в/ч... Срок его службы в охране как раз подходил к концу, и после выхода на вольные хлеба он намеревался забрать молодую жену и отбыть вместе с ней в бескрайние украинские степи. И действительно, на какое-то время они вместе с Анютой туда отбывали, но почему-то быстро возвратились назад. То ли молодая жена свекру со свекровью не приглянулась, то ли еще в чем причина была, но стала Анюта вместе с мужем снова проситься к старшей сестре на постой. Мол, поживем до тех пор, пока сами не обустроимся, а когда сами обустроятся, срок не называли. Так и обосновалась вновь созданная молодая семья за занавеской на свежеструганном семейном топчане.

Сколько раз Варвара корила себя за то, что пустила Анюту в дом и не обозначила сроки проживания. Да и еще, будто в насмешку над собой уступила ей собственное семейное ложе (сама не пожила), но вслух все стеснялась об этом сказать да родственницу усостыжить. Так, кстати, у русского человека частенько бывает — ни о чем не договорится, ничего не обсудит, а потом еще и обижаться надумает, хотя, по правде говоря, сам и виноват.

Больше всего появлением новых жильцов в доме был почему-то недоволен Юрик.

— Мам, а они к нам надолго? — спрашивал он не раз.

— А тебе-то что?

— Да так, ничего, просто ребята разное говорят...

— А ты тех ребят побольше слушай.

Анютиня молодая семья не бедствовала. Жених ее, теперь уже законный муж, устроился на уважаемую хозяйственную должность все при той же в/ч, а сама Анюта перевелась в учетчицы — видно, до того загубила не один ткацкий станок, и даже у начальства терпенье лопнуло. Работа у учетчицы была не сильно тяжелой, да и время распределено — никто не

заставит тебя после смены задерживаться и дневную норму до положенной выработки тянуть. Но, несмотря на наступившее материальное благоденствие, предпочитали молодожены, как и прежде, кормиться с общего хозяйского стола.

Кушали поначалу все вместе, то, что Варвара сподобится на стол собрать, то и ели. А что сподобится? Картошек наварит, которые со своего огорода соберет, да еще огурцы соленые выставит или грибы, чтобы для переменки и разнообразия, а еще черный хлеб крупными ломтями нарежет — вот и вся еда. На первых порах вечерили за одним столом, а потом пошло так: Анюта без стеснения себе и мужу еду в отдельную тарелку соберет и шмыг за занавеску в свой облюбованный отдельный уголок. По первоначально для Варвары это было непривычным — мол, если хотите отдельно питаться — питайтесь, но зачем же с общего стола лучшие куски тянуть. Но потом они с Василием рассудили так: мало что у молодых на уме, пусть отдельно едят. Они и ели. Только однажды Варвара обнаружила на кухонном столе жирный засаленный нож и очень удивилась: сала в доме давно не водилось.

Перво-наперво Варвара подумала, что засаленный нож принес в дом Василий — мало ли кто из соседей угостил его шматком сала, но потом поняла, что это не так. Василий бы хоть крошечный кусочек неожиданного угощения домой принес, а тот, кто резал сало ножом, явно его утаил.

Разгадка произошла случайно, когда она увидела Юрика, шарившегося в закутке у родственников-молодоженов. Она застала момент, когда тот уже вытащил из-под кровати фанерный чемодан и ощупывал холщевые тряпицы, в которые было завернуто сало.

— Воруешь? — строго спросила Варвара, отодвигая тяжелую занавеску.

— Мам, ну я чуть-чуть...

— Ни чуть-чуть, ни много чужого брать нельзя. Или не знал?

— Знал. Но ведь они сами едят, а нам не дают.

— Они едят, потому что у них есть. А мы не едим, потому что у нас нет.

— Но ведь они живут у нас, а едят без нас, — резонно заявил Юрик.

На такое замечание Варвара не знала, что и сказать. Она понимала, что в словах Юрика была большая доля правды, и хоть она и была по отношению к нему скоро на расправу, на этот раз решила себя сдержать. Только и сделала, что отобрала нож и наказала, чтобы больше так не поступал и чужого не брал.

— Дадут — так дадут, а не дадут, ешь то, что свое, — только и нашлась, что сказать.

Варвара, конечно же, надеялась, что история с ворованным салом на этом закончится, но не тут-то было. Не прошло и пары дней, как Юрик снова полез в чужие закрома. Поначалу он не хотел этого делать, даже зарок себе давал, но потом, когда, сидя на крылечке, пригретом весенним солнышком, и обстругивая острым ножом очередную палку для игры в войнушку, он вдруг почти явственно ощутил во рту сытный и сладковатый вкус добротного вылежавшегося сала, то уже не смог себя сдержать.

— Последний раз, — торжественно дал себе слово Юрик и, улучив момент, когда мать пошла в колодец за водой, направился в заветный уголок за занавеску.

Заметив неладное, Варвара подкараулила Юрика под самый вечер, когда Анюта с мужем под ручку возвращалась с работы. Юрик, как прежде, сидел на подогретом солнцем крыльце и строгал очередную палку, явно намереваясь сделать из нее пистолет или на худой конец пугач. Сначала Варвара схватила Юрика за шиворот, затем, обозвав гаденышем, повалила на землю, а под конец, не контролируя себя, больно отхлестала его тяжелым отцовским ремнем.

Со стороны казалось, что Анюта с Титычем не обратили никакого внимания на разыгравшуюся во дворе экзекуцию. Ничему не удивившись и не сказав ни единого слова, они прошествовали в дом и затаились в своем укромном уголку за занавеской. Ужинать к общему столу в тот вечер ни Титыч, ни Анюта не пришли.

6

Юрик на ужин тоже не пришел. К вечеру отведать разваристой картошки собрались только двое — Василий и сама Варвара. Василий, конечно же, спросил, почему за столом такой недобор, на что жена попыталась что-то объяснить, но получилось совсем неубедительно.

Между тем Юрик домой решил вообще не возвращаться. Он отыскал в сарае старую отцовскую телогрейку, от которой пахло навозом и пылью, и, накинув ее на плечи для тепла, отправился в ближайшую лесосеку. Здесь, в глубине леса, располагался знакомый шалаш, в окрестностях которого они с ребятами обычно играли в войну. В шалаше Юрик никого не застал, но зато в хоромках нашел немного черствых подмокших сухарей, которые они с ребятами припрятали на случай внезапных боевых действий, и чуточку поел.

Для обустройства шалаша мальчишки выбрали самое укромное место в густых зарослях — сразу не заметишь. Здесь они играли в партизан и обязательно назначали командира отряда. Чаще всего в командиры определяли Славика Ватушкина, он был посолидней и постарше других. Но иногда быть в командирах выпадало и Юрику, и он самостоятельно отдавал важные партизанские команды: «Бегите туда!», «Бегите сюда!» Но после того, как в их доме поселился Титыч — бывший вохр — командиром отряда Юрика назначать перестали и все чаще стали записывать в предатели или фашисты.

Поначалу Юрик не понял, в чем дело, но потом, когда неприятное назначение стало повторяться из раза в раз, начал возмущаться.

— А ты оправдай, — бескомпромиссно заявил ему Славик Ватушкин, когда Юрик в очередной раз был определен не туда, куда хотел. Отец Славика в свое время, как положено, отсидел и имел свои взгляды на вохров и на жизнь, которые от сына не скрывал.

— Как оправдать? — спросил Юрик.

— А ты поищи у своего вохра пистолет...

— Он больше не вохр, — пытался защититься Юрик. — Да и потом он не мой.

— Твой не твой, а ты поищи, — не унимался Славик.

Юрик и поискал. Поискал здесь, поискал там, потом залез в фанерный чемодан, а там было сало...

Сначала Юрик хотел только посмотреть на него или понюхать. Но потом вдруг вспомнилось, как мать, когда он сильно заболел, давала ему, словно невиданное заморское угощение, крошечный бело-розовый кусо-

чек сала, и как он сначала обсысывал его, как леденец, потом разжевывал, и как его приятная мякоть, застрявшая в поздних молочных зубах, надолго оставляла во рту тот сладковатый, ни с чем не сравнимый вкус...

Из-за того, что он был пойман с поличным и нещадно побит, Юрика душила обида и одолевала досада. Он чувствовал себя одиноким, никому не нужным и не по возрасту маленьким, как будто было ему не десять лет, а пять или даже три.

«Ремень — фигня, хоть и больно было. То, что мать ругалась — тоже фигня, — в одиночестве рассуждал Юрик. — А то, что она устроила выволочку и отдубасила меня из-за Титыча и Анюты вместо того, чтобы вывести их на чистую воду, вот это — не фигня».

В лесном шалаше Юрик просидел до глубокой ночи, но когда окончательно ооченел, все-таки решил вернуться домой.

Как того и следовало ожидать, ночная прогулка не прошла даром — Юрик заболел и почти неделю провалялся в постели с высокой температурой. Мать лечила его настоем из малиновых веток и чем-то еще, но чем именно, он точно не помнил, потому что много спал.

Во время болезни Юрику снилось много разных снов, но из всех промелькнувших в бессознательном состоянии сновидений он почему-то запомнил только два. Первый сон был связан с матерью. Будто бы она сама полезла к Анюте и Титычу в хоромки, вытащила из их деревянного чемодана злосчастное сало и начала трясти им перед многочисленными соседями, которые почему-то собрались в их дому.

— Вот, люди добрые, смотрите, глядите, — публично выступала мать. — Сами тайно едят, и никому не дают.

А второй сон был еще явственней, Юрик его тоже хорошо помнил. Будто бы случилась в в/ч не в/ч какая-то непредвиденная буча — якобы взбунтовались зеки. И назначили эти зеки главным виновником всех своих бед именно Титыча, и бегали они за Титычем с большими кусками сала, почему-то тяжелыми, как кирпичи, а некоторые даже пытались их в него кидать, приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе!.. На! Получи!

По прошествии некоторого времени никто из родственников неприятное событие с салом не обсуждал и лишних вопросов не задавал, только через две недели Анюта с Титычем переехали на частную квартиру, а через год прикупили себе полдома на окраине поселка и благополучно определились туда на постоянное место жительства.

А чуть позже, уже в 52-м, случилось в тетки Варварином семействе пополнение — родился ее младший сынок Валерик, родился таким, каким она его и задумала: коренастым, ладным, как гриб-боровик — в нее, а лицом пригожий — в мужнину родню. Видно, сыграл свою положительную роль освободившийся семейный топчан.

В пристанционном фабричном поселке давно уже привыкли к тому, что почти все застольные мероприятия, устраиваемые в доме у тетки Варвары Прокошиной, заканчиваются потасовками. Основных драчунов было двое — муж ее младшей сестры Анюты Титыч и старший Варварин сын Юрик.

Причин, выводящих из себя Юрика, было великое множество: то Титыч не так посмотрел, то Титыч не то сказал. Надо заметить, что Ти-

тыч действительно часто говорил не то, даже не то, чтобы совсем не то, просто в его словах, на первый взгляд, самых простых и обыденных, иногда угадывался какой-то двойной смысл. Проще говоря, изъяснялся Титыч с подковыркой, и временами казалось, что он специально раззадоривает Юрика.

Чаще всего дело доходило до рукопашной, кровавых соплей и порванных рубах, но иной раз телесные и имущественные потери были трагичнее из-за того, что в ход шли увесистые колья или доски от забора. Именно так и случилось на Юриковой свадьбе.

Когда Юрик объявил, что будет жениться, тетка Варвара долго гадала, приглашать ли на свадьбу Титыча и Анюту. Потом решила пригласить — все-таки родня, если не пригласить, осудят соседи.

После третьей рюмки, вышитой за свадебным столом, Юрик, как обычно, полез к Титычу задираться:

— И что тебе надо? Куда ты все смотришь? — домогался он.

Осоловевшему Юрику вдруг показалось, что на его невесту как-то не так смотрят, особенно Титыч, и понеслось...

На свадьбе драчунов разнимали всем кагалом. На этот раз порванными рубахами дело не обошлось — у обоих участников драки было подбито по глазу, изранены спины, кроме того, у молодого жениха смешно оттопырилось и посинело изрядно пострадавшее ухо.

Было видно, что бились люто. И каждый понимал, что невеста здесь не при чем, вернее, почти не при чем...

А ведь начиналось застольное мероприятие, приуроченное к свадьбе, очень даже торжественно, и праздничный стол по тем временам накрыли богатый — были кабачковая икра, колбасный сыр, консервы-кильки, докторская колбаса и, понятное дело, сало...

Уже много позже случилось так, что такой, казалось бы, благодатный продукт, как сало, сыграл с участниками этой истории очень даже злую шутку. Оно нависло камнем над семьей Юрика — его сына, тоже Юрика, осудили за магазинный грабеж. Денег в магазинной кассе почти не оказалось, но среди уворованных продуктов числились краковская колбаса, российский сыр, водка и, конечно же... сало.

Может быть, потроша пачки сигарет «Прима» для передачи сыну в СИЗО (передать сигареты полными пачками запрещается по закону) Юрик-старший невольно вспоминал знакомый с детства сладковатый, нахлынувший стихийной волной, богато насыщающий плоть и кровь вкус бело-розового сытного сала?

А уже в 90-х грабительская павловская реформа внезапно подкосила и Анютину семью — ее жадноватый скопидомок Титыч оказался с инфарктом на больничной койке после того, как выяснилось, что двадцать пять тысяч рублей, заработанные на продаже мяса и сала от сытых кабанчиков, враз превратились в никому не нужные цветные бумажки. А ведь совсем недавно на них можно было без труда купить почти пять автомобилей — гордости отечественного автопрома... Но, с другой стороны, зачем были нужны Анюте и ее мужу Титычу эти автомобили? Водить они не умели, да и ездить им было особенно некуда, да и, если признаться, не к кому вообще...

Под конец своей жизни тетка Варвара Прокошина стала образцовой прихожанкой. Она неистово крестилась и била лоб под заунывные проповеди молоденького бородатого священника, в которых мало что понимала. Но если бы тетка Варвара более детально подошла к основам пра-

вославия, то непонимание ее еще больше бы усилилось. Наверняка, она была бы удивлена, что к большим грехам оно причисляет скорбь, тоску и печаль, но почему-то не записывает в главные человеческие грехи грех обидеть ребенка.

Если бы позволили тетке Варваре Прокошиной, она бы уж точно записала этот грех в наипервейшие человеческие грехи. Может быть, записала вместо тоски и печали, породивших полонез Огинского и вальсы Шопена, и была бы права. А все потому, что из обиженных детей получают обиженные и злые дети, а потом из них вырастают обиженные и злые взрослые.

А что касается Огинского и Шопена, то тетка Варвара Прокошина не имела о них ни малейшего представления...

